

Муштанова Оксана Юрьевна

"БАУДОЛИНО" УМБЕРТО ЭКО КАК МЕТАИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

В статье рассматривается роман Умберто Эко "Баудолино" в его метаисторическом измерении. Анализируется процесс перевода формально-жанровых особенностей средневековых хроник в план содержания романа, в том числе учитывается диахронический аспект - реализация указанного жанра в разных его вариантах. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что Эко, черпая материал из средневековых источников, выстраивает в "Баудолино" постмодернистскую концепцию истории; указываются основные особенности данной концепции, нашедшие воплощение в романе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/3-1/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (45): в 3-х ч. Ч. I. С. 152-156. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

5. Поляков О. Г. Концепция профильно-ориентированного обучения английскому языку в высшей школе: дисс. ... д. пед. н. Тамбов, 2004. 308 с.
6. Соловова Е. Н. Методическая подготовка и переподготовка учителя иностранного языка: интегративно-рефлексивный подход: монография. М.: Глосса-Пресс, 2004. 336 с.
7. Соловова Е. Н. Разработка авторских программ и курсов // Иностранные языки в школе. 2004. № 4. С. 8-13.
8. Традиции и инновации в методике обучения иностранным языкам / под общ. ред. М. К. Колковой. СПб.: Каро, 2007. 288 с.
9. Хуторской А. В. Деятельность как содержание образования // Народное образование. 2003. № 8. С. 107-144.
10. Хуторской А. В. Ключевые компетенции как компонент личностно-ориентированной парадигмы образования // Народное образование. 2003. № 2. С. 814-816.
11. Чапаев Н. К. Педагогическая интеграция: методология, теория, технология. Екатеринбург, 2004. 283 с.
12. Ясвин В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001. 365 с.
13. Ястреб Н. А. Конвергентная модель научно-инновационного процесса [Электронный ресурс]. URL: <http://www.teoriapractica.ru/-12-2012/philosophy/yastreb.pdf> (дата обращения: 30.12.2014).
14. Bainbridge M. S., Roco M. C. Managing Nano-bio-info-cogno Innovations: Converging Technologies in Society. Berlin: Springer, 2005. 384 p.
15. Brown H. D. Principles of Language Learning and Teaching. London: Longman, 2000. 352 p.
16. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 273 p.

ON CONVERGENCE IN THE SYSTEM OF INTEGRATIVE METHODOLOGICAL TRAINING OF A FOREIGN LANGUAGE TEACHER

Malev Aleksei Vital'evich, Ph. D. in Pedagogy
Moscow State Pedagogical University
dissovet_27@mail.ru

Convergence is considered as a strategy securing dynamic balance between the processes of integration and differentiation. The author argues for the integrity and continuity of all the components of education system. Overcoming the highly tailored training of the students – future foreign language teachers by means of a convergent meta-disciplinary model creates the possibility for the formation of a cultural and linguistic picture of the world.

Key words and phrases: convergent strategy of methodical training; meta-disciplinarity; professional foreign language education; pragmatist aspect; mechanisms of self-regulation; academic freedoms.

УДК 82-31

Филологические науки

В статье рассматривается роман Умберто Эко «Баудолино» в его метаисторическом измерении. Анализируется процесс перевода формально-жанровых особенностей средневековых хроник в план содержания романа, в том числе учитывается диахронический аспект – реализация указанного жанра в разных его вариантах. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что Эко, черпая материал из средневековых источников, выстраивает в «Баудолино» постмодернистскую концепцию истории; указываются основные особенности данной концепции, нашедшие воплощение в романе.

Ключевые слова и фразы: исторический роман; хроника; провиденциализм; тенденциозность; фальсификация; интертекстуальность; диалог; палимпсест.

Муштанова Оксана Юрьевна

*Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации
oksanamushtanova@rambler.ru*

«БАУДОЛИНО» УМБЕРТО ЭКО КАК МЕТАИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

Жанр средневековой хроники в романе Умберто Эко, Баудолино подвергается трансформации на двух уровнях. Первый уровень – исторический: роман представляет собой творческую переработку обширного хроникального материала, который делится на две ветви: западную (правление императора Фридриха Барбароссы) и восточную (события IV Крестового похода). Смысловым центром, в котором происходит соединение истории и вымысла, является главный герой Баудолино – вымышленный персонаж, который в контексте романа взаимодействует с реальными историческими лицами. Второй уровень трансформации жанра

хроники – метаисторический: Эко анализирует в контексте романа формальные особенности средневековых хроник, систематизированные современной историографией.

В , Баудолино перед читателем раскрываются механизмы создания истории. В качестве персонажей романа фигурируют известные средневековые хронисты – византийский политический деятель Никита Хониат и епископ Оттон Фрейзингенский, дядя императора Фридриха I. Сам принцип организации повествования в романе Эко соответствует одной из важнейших стадий работы историка: сбор хронистом (Никита Хониат) свидетельств очевидца событий (Баудолино) с целью их дальнейшей обработки. Вот как оценивает свое ремесло византийский историк, беседуя с Баудолино: „Non ci sono storie senza senso. E io sono uno di quegli uomini che sanno trovarlo anche lndove gli altri non lo vedono. Dopo di che la storia diventa il libro dei viventi, come una tromba squillante che fa risorgere dal sepolcro coloro che erano polvere da secoli...”¹ [7, p. 17-18]. Герой формулирует универсальные принципы создания истории, которые актуальны в любую эпоху. Однако дальнейшее свое развитие они получают в типично средневековом духе.

Бернар Гене [9, p. 30-51] называет в качестве одной из главных особенностей средневековых хроник их межжанровый и междисциплинарный характер. Исторические сочинения Средневековья активно черпают материал из легенд и литературных источников (пример тому – история о Карле Великом), находятся под сильным влиянием житийной и географической литературы. Параллельно с этим, средневековая историография как наука (или скорее практика, вид деятельности, если следовать Гене) испытывает осязаемое влияние других наук и сфер общественной жизни: морали, права, политики и конечно же теологии – светская история находится в тесной связи с историей церковной. Все средневековые хронисты так или иначе стоят на позициях провиденциализма. Эта концепция возникла в эпоху патристики и наиболее полно разработана в трудах Августина, в особенности в трактате *De Civitate Dei*, где принцип двуплановости (Град Земной и Град Божий) применяется по отношению к событиям мировой истории: „...согласно провиденциалистской схеме вся история изображалась либо как реализация некоего божественного плана, от века начертанного создателем во всех подробностях..., либо как воплощение воли всевышнего, наметившего свой план лишь в общем виде и претворяющего его в жизнь путем постоянного непосредственного вмешательства в земные дела” [2, с. 41]. Для средневекового хрониста обнаружить смысл истории – значит проникнуть *per visibilia ad invisibilia*, постичь божественный промысел в делах человеческих. Именно эту цель ставит перед собой Никита, готовясь выслушать рассказ Баудолино: „A me arrivano frammenti di fatti, brandelli di eventi, e io ne traggo una storia, intessuta di un disegno provvidenziale”² [7, p. 17]. Провиденциализм позволяет дать мотивировку историческим событиям, так что даже факт разграбления Константинополя крестоносцами в глазах Никиты приобретает высший смысл: „...forse voi siete la mano di Dio, che vi ha mandati per punizione dei nostri peccati”³ [Ibidem, p. 46], – персонаж Эко вторит Св. Бернару, который в своем трактате *De consideratione* оправдывает неудачу Второго крестового похода греховностью самих крестоносцев. „Gesta Dei per Francos” – отвечает на это Баудолино, цитируя сочинение аббата Гвибера Ножанского „История, называемая Деяния Бога через Франков” – одну из популярнейших хроник Первого крестового похода.

Хроника от начала мира до 1146 г. г. Оттона Фрейзингенского создана в лучших традициях провиденциализма, о чем красноречиво свидетельствует ее второе заглавие – „Хроника, или история о двух царствах”, а точнее – „о двух Градах”. Это сочинение принадлежит к разряду всемирных хроник, которые зарождаются как жанр именно в Средневековье и отражают эсхатологические представления об историческом процессе. В хронике Оттона преобладает пессимистический взгляд на мирскую историю, говорится о старении мира – *mundus senescit* – и выражается надежда на будущее блаженство в Царствии Небесном. Совершенно иными настроениями проникнута другая хроника фрейзингенского епископа – „Gesta Frederici I imperatoris” (Деяния императора Фридриха II), продолженная после его смерти в 1158 г. каноником Рагевином: к примеру, „война, которую Оттон осуждает в “Хронике”, считая ее бичом человечества, в “Деяниях императора Фридриха I” изображается как занятие веселое и достойное феодала” [1, с. 174]. В сочинениях Оттона явно прослеживается еще одна особенность средневековых хроник – их тенденциозность [2, гл. 5]; в первом случае она связана с провиденциалистскими взглядами автора, во втором – с политическими установками. Эко обыгрывает это взаимное противоречие двух хроник Оттона, ставящее в тупик исследователей. По мнению Баудолино, оптимизм „Деяний” вполне оправдан, ведь их главная задача – прославить в веках подвиги императора. К этому добавляется еще одна интересная подробность: оказывается, Баудолино стер первоначальный вариант „Хроники”, так что епископ вынужден был переписывать свой труд заново, причем параллельно создаваемые им „Деяния” оказывали существенное влияние на новую „Хронику”: „Così quel santo uomo da una parte riscriveva la *Chronica*, dove il mondo andava male, e dall'altra le *Gesta*, dove il mondo non poteva che andare sempre meglio. Tu dirai: si contraddiceva. Fosse solo questo. L che io sospetto che nella prima versione della *Chronica*, il mondo andasse ancora peggio, e che per non contraddirsi troppo, a mano a mano che riscriveva la *Chronica*, Ottone sia diventato peggio indulgente verso noi uomini. E questo l'ho provocato io, grattando via la prima versione. Forse, se restava quella, Ottone non aveva il coraggio di scrivere le *Gesta*, e siccome per via di

¹ „В любой истории есть смысл. Я умею найти смысл там, где не видят другие. И история становится книгой живых, как труба громогласная, та, которая вздымает из гроба лежавших во прахе многие веки. Для этого нужно только время. Обдумывать события, их увязывать, выискивать между ними сходства, даже самые незаметные” [5, с. 18-19].

² „Я собираю обрывки фактов, лоскутья былей и тку из них повести по канве Предопределения” [5, с. 18].

³ „...наверно, вы – это десница Господня, и насланы на нас ради прегрешений наших” [Там же, с. 48].

queste gesta che domani si diranno che cosa Federico ha fatto e non ha fatto, se io non grattavo via la prima *Chronica* finiva che Federico non aveva fatto tutto quello che diciamo che ha fatto¹ [7, p. 45].

История, таким образом, – это не то, что было, а то, что написано. Деяния Фридриха как исторический факт существуют для нас, потомков, лишь в силу того, что мы имеем тому документальные подтверждения, и с исчезновением хроник история для нас просто бы не существовала. Эко помещает средневековые источники в ситуацию интертекстуального диалога: получается, что хроники влияют друг на друга и одновременно меняют наше представление о мире, в данном случае – о мире прошлого.

Средневековый провиденциализм и связанное с ним эсхатологическое видение истории дало импульс к разработке периодизации исторического процесса. Августин создал три схемы периодизации: 1) от сотворения мира до Христа и после Христа; 2) периодизация по шести возрастам мира по аналогии с шестью днями Творения – последний шестой период длится от Рождества и должен завершиться Страшным судом и концом мира; 3) периодизация по четырем монархиям. Именно на основе последней Оттон Фрейзингенский в своей *Хронике* от начала мира до 1146 г. (один из образцов средневековой всемирной хроники) развивал позднеантичную идею *translatio imperii* (перенос империй) в следующем направлении: Бог передает власть от Римской империи к Византии, затем от Византии к Священной римской империи в лице Карла Великого и, наконец, от франков к Священной римской империи германской нации в лице императора Оттона I [1, с. 78]. В *Баудолино* Эко показывает, как данная концепция использовалась Фридрихом Барбароссой в полемике с папой: этот факт не только иллюстрирует важность вопросов права в Западной Империи, но и является примером использования истории в политических целях. Как пишет Бернар Гене [9], прошлое было лучшим оправданием для настоящего (представители знати являлись таковыми благодаря знатному происхождению своих предков, обычай был хорош своей древностью, законным правителем считался тот, в ком течет королевская кровь); история нередко становилась идеальным орудием пропаганды. Общий уровень исторической культуры в Средневековье был крайне низким, что позволяло хронисту не только интерпретировать, но и зачастую перекраивать прошлое по своему усмотрению. Тенденциозность Оттона связана с его социальным статусом: то обстоятельство, что хроники создавались по заказу покровителя, заранее предопределяло выбор центрального персонажа, апологетический характер и эпико-героический тон повествования (что особенно актуально для *Деяний*).

Постепенно появляется в средневековой историографии и другая тенденция – усиление внимания к историческому индивиду с его объективными качествами, зачатки психологического портрета. В *Баудолино* представителем этого направления провозглашает себя Никита Хониат: *...io ho scritto e scrivo le cronache del mio impero soffermandomi piu sulle piccole invidie, gli odi, le gelosie che sconvolgono sia le famiglie dei potenti che le grandi e pubbliche imprese. Anche gli imperatori sono esseri umani, e la storia e anche storia delle loro debolezze*² [7, p. 297]. Никита-персонаж временами отличается чрезмерной прогрессивностью мышления – к примеру, в его оценке правления византийского императора Андроника звучит почти макиавеллианский рационализм: *...un basileo pu3 usare il potere per fare del bene, ma per conservare il potere deve fare del male*³ [Ibidem, p. 252]. Однако мы также можем наблюдать типичное для средневекового историка несоответствие постулируемых принципов и их практического воплощения: Никита-персонаж объявляет себя носителем истины, но при этом к отбору фактов для своей хроники подходит более чем произвольно. Он решает последовать совету друга Пафнутия и умолчать не только о тех фактах, которые узнал со слов Баудолино (что оправдано ненадежностью источника), но и о тех днях, которые они пережили вместе во время третьего пожара, дабы не повествовать о подделке реликвий: *In una grande Istoria si possono alterare delle piccole verita perch3 ne risalti la verita piu grande*⁴ [Ibidem, p. 525]. Тенденциозность здесь обусловлена в первую очередь соображениями морали: история должна служить примером потомкам, так что все неприглядное в ней затушевывается, а от тенденциозности до фальсификации истории – один шаг.

Столь странное, на первый взгляд, сочетание веры в собственную правдивость и сознательной фальсификации фактов продиктовано средневековыми представлениями об истине. Августин в трактате *О лжи* утверждает, что можно без всякого обмана говорить неправду, если думаешь, что это происходило так, как сказано, хотя бы это было совсем не так [1, с. 87]. Именно этим правилом руководствуется Оттон, когда призывает Баудолино изобрести свидетельства существования царства Пресвитера Иоанна: *...non ti chiedo*

¹ ... этот достойный муж одной рукой восстанавливал “Хронику”, в которой будущее мира рисовалось грустным, а другой писал “Деяния”, в которых будущее мира рисовалось светлее некуда. Думаешь, проблема только в разночтениях первого и второго текстов? Если бы только в этом... Я, увы, склонен думать, что в первом варианте “Хроники” будущее мира изображалось как совсем напрочь трагическое. Но чтобы смягчить противоречия на новом этапе писательства, Оттон во втором списке сделался гораздо снисходительнее к нашему миру. И все это на моей совести! Ведь это я сцарапал первую версию. А останься, может, первый вариант в силе, Оттону совесть не позволила бы даже и браться за “Деяния”. В то же время, зная, что именно по “Деяниям” завтра будут судить, что свершил Фридрих и чего не свершил... Если б я не соскребе эту злосчастную хронику, то Фридрих, глядишь, и не свершил бы того, что мы считаем его свершениями» [5, с. 46-47].

² Я тоже писал и пишу свои имперские бытописи, отмечая самые мелкие интересы зависти, ненависти, интриг, проникающие и в семьи венценосцев, и в самые значительные общественные деяния. Императоры – люди, и история – в частности, результат их слабостей [Там же, с. 305].

³ ...василевс может использовать свое владычество для добра, но для удержания владычества он вынужден творить зло [Там же, с. 260].

⁴ Ты вычеркни Баудолино из своей повести... вычеркни и генуэзцев. Иначе придется сообщить, что ими подделывались реликвии, и твой читатель утратит чистую веру в преосвященные мощи... большая История допускает неискренности по мелочам, если это на пользу великой Истине [Там же, с. 532].

di testimoniare ciò che ritieni falso, che sarebbe peccato, ma di testimoniare falsamente ciò che credi vero – il che è azione virtuosa perché supplisce alla mancanza di prove su qualcosa che certamente esiste o *Paccaduto!*¹ [7, p. 61]. Фальшивое письмо Иоанна не воспринимается его автором как подделка: письмо создано как центон из древних авторов, а авторитет традиции в средневековье имеет неизмеримо больший вес, нежели реальный факт. Если поначалу средневековая историография следовала античной иерархии источников – *visa, audita, lecta* – то постепенно письменный источник становится не только престижнее устного, но и достовернее увиденного собственными глазами [9].

В *Гестах Бодуолина* фальсификация истории присутствует во всех своих проявлениях: намеренное умолчание, искажение фактов, изменение деталей, привнесение вымышленных подробностей и, наконец, искажение цифровых данных [2, гл. 5]. Вот как Бодуолино оценивает численность войска Фридриха Барбароссы в Третьем крестовом походе: *...nel maggio del 1189 Federico si era mosso per via di terra da Ratisbona con quindicimila cavalieri e quindicimila scudieri, alcuni dicevano che nelle pianure d'Ungheria avesse passato in rassegna sessantamila cavalieri e centomila fanti. Altri avrebbero poi addirittura parlato di seicentomila pellegrini, forse tutti esageravano, anche Baudolino non era in grado di dire quanti veramente fossero, forse erano in tutto ventimila uomini, ma in ogni caso era una grande armata. Se non li si andava a contare uno per uno, visti da lontano erano una folla attendata che si sapeva dove incominciava ma non dove finisse!*² [7, p. 288].

Это по сути компиляция из тех фантастических цифр, которыми пестрят хроники Третьего крестового похода. По мнению М. Заборова, такого рода фальсификация – преуменьшение сил своих и преувеличение сил противника (а иногда наоборот) – отражает в первую очередь тенденциозное стремление возвысить, прославить подвиг своих соотечественников. Но есть у рассматриваемого явления и другая сторона: вольное обращение с цифрами – также результат воздействия фольклорной традиции (неслучайно хроники отдают предпочтение крупным круглым числам, делящимся на 5 и 10) и эпоса с характерным для него приемом количественной гиперболизации. Немаловажно также символическое истолкование числа: выражения *тысячи*, *десяты тысяч*, *сотни тысяч* зачастую используются просто в значении *очень много*, *огромные силы* [2, с. 364].

Главный герой также пробует себя в роли хрониста – роман открывается первыми и единственными сохранившимися страницами из его хроники *Gesta Baudolini*, все прочие листы которой были утеряны во время долгого путешествия. Этот небольшой отрывок позволяет сделать некоторые выводы относительно жанровых особенностей сочинения в целом. Бодуолино является представителем нового поколения историков: подобно хронистам XIII-XIV вв. Дино Компаньи, Джованни Виллани, Мартино ди Канале, Рональдину из Падуи [1, гл. 5], он создает не всемирную, а частную историю, которая в данном случае посвящена событиям в Ломбардии, а именно – в родной деревушке Фраскете, на месте которой в дальнейшем будет основана Алессандрия; так, это произведение, вероятно, уместно отнести к разряду позднесредневековых городских хроник. В начальной главе, написанной героем еще в четырнадцатилетнем возрасте, мы находим географические характеристики местности (болотистые почвы, густой туман), этнографические данные (отношения между жителями разных городов Ломбардии, характер местного населения – практический ум, хитрость фраскетанских крестьян). О принадлежности *Gesta Baudolini* к новому направлению в средневековой историографии свидетельствует также язык хроники: манускрипт написан не на латыни, а на местном наречии. Эко предпринимает на первых страницах романа попытку смоделировать итальянский протовольгаре на основе фраскетанского диалекта. Показательно, что рукопись представляет собой палимпсест: она написана поверх первой версии Хроники Оттона, отдельные фразы из которой то и дело проглядывают сквозь новый текст. Перед нами диалог старого и нового поколения средневековых историков: на глазах читателя свершается не только переход от латыни к вольгаре, но также от высокого стиля (наследие античной риторики) к простому языку, – об этом пишет Бернар Гене [9], характеризуя процесс развития средневековых хроник. Правда бодуолиново повествование местами приобретает чрезмерно конкретный, сниженный тон и своим не самым благородным содержанием скорее напоминает фаблю, чем хронику.

Остальные главы романа, в которых Бодуолино повествует о дальнейших событиях своей жизни, служат своего рода автокомментарием героя к собственному манускрипту. Он рассказывает, как создавалась хроника: *... Mi pareva di esistere solo perché a sera potevo raccontare quello che mi era accaduto di mattina. Poi mi bastavano dei registi mensili, poche linee, per ricordarmi gli eventi principali. E, mi dicevo, quando fossi avanti negli anni... sulla base di queste note stenderò le Gesta Baudolini!*³ [7, p. 17]. Технику дневниковых записей применяли многие хронисты-очевидцы событий, в частности, Жоффруа де Виллардуэн, который делал заметки во время Четвертого крестового похода, чтобы впоследствии придать им более законченную форму. Кроме того, Бодуолино подчеркивает важность процесса рассказывания истории, который подчас становится важнее

¹ . Пойми, я не призываю тебя к лжесвидетельству. Утверждать обман – грех! Но обманно свидетельствовать о том, во что ты сам веришь, это достойное занятие! Ты просто возместишь недостаток доказательств того, что существует или что произошло! [5, с. 63].

² . Фридрих в мае 1189 года выступил сухопутной дорогой из Регенсбурга с пятнадцатью тысячами всадников и пятнадцатью тысячами оруженосцев. В некоторых рассказах встречались сведения, что по венгерским равнинам прошло шестьдесят тысяч конных и сто тысяч пеших воинов. Указывалась и другая цифра: шестьсот тысяч пилигримов. Конечно, летописцы преувеличивали. Бодуолино не мог бы сказать, сколько именно пароду было в войске, но приблизительно двадцать тысяч душ. В любом случае армия была солидная. Если не считать по головам, а смотреть издали, получался лагерь такого громадного размера, что где он начинается, было ясно, а вот где он кончается, было неведомо никому! [Там же, с. 296-297].

³ . Думал, я существую только чтобы вечером рассказывать о том, что пережил днем. Позднее мне стало достаточно помесячных записей в две-три строки: я вел свою хронику главных событий. Рассчитывал, что когда я приду в должный возраст..., из этих пометок выстроятся “Gesta Baudolini”! [Там же, с. 18].

самой истории, и роль в нем воспринимающей стороны. Этот аспект исторического повествования реализуется в ситуации диалога Баудолино и Никиты: «Tu sei diventato la mia pergamena, signor Niceta, su cui scrivo tante cose che avevo persino dimenticato... Penso che chi racconta le storie debba sempre avere qualcuno a cui le racconta, e solo così puoi raccontarle anche a se stesso»¹ [Ibidem, p. 214]. Эко рассматривает историографию как факт коммуникации на разных уровнях: с одной стороны, деятельность историка (Никита) состоит в постоянном вопрошании истории (олицетворением которой является Баудолино), ее интерпретации, сличении разных источников; с другой стороны, историк-рассказчик (Баудолино) в ситуации диалога получает возможность сменить точку зрения. Плодотворность диалога осознает и Никита: «Amava sentire gli altri raccontare, e non solo di cose che non conosceva. Anche le cose che aveva già visto con i propri occhi, quando qualcuno gliel'aveva ridiceva, gli pareva di guardarle da un altro punto di vista»² [Ibidem, p. 19]. Джан Луиджи Феррарис [8] проводит любопытную параллель: если Никита объединяет в себе все характеристики образцового читателя (в терминологии Эко – *Lettore Modello* [6]) – природное любопытство, интерес к чужим рассказам, сочетающийся с определенной долей недоверия к источнику, – то Баудолино соответствует профилю образцового автора (*Autore Modello* [Там же]), который подмигивает своему читателю, призывая все время быть начеку: «...quello che colpiva in Baudolino era che, qualunque cosa dicesse, guardava di sottocchi il suo interlocutore, come per avvertirlo di non prenderlo sul serio»³ [7, p. 19]. То есть возникает двойная аналогия: Баудолино – Эко и Никита – читатель. Ситуация диалога, организующая повествование в романе «Баудолино», не только позволяет читателю заглянуть в мастерскую историка, но и становится поводом для привлечения и воплощения идей и понятий современной теории текста и коммуникации.

Таким образом, в романе «Баудолино» формально-жанровые особенности средневековых хроник переводятся в план содержания и нередко становятся двигателями сюжета: на страницах «Баудолино» присутствуют образы историков; изображается процесс создания хроник и все его особенности – тенденциозность, провиденциализм, фальсификация; показаны разные этапы развития жанра средневековой хроники (от всемирной истории к частной, от латыни к вольгаре); представлены разнообразные средневековые концепции истории. При этом, используя в качестве отправной точки средневековый материал, Эко воплощает в романе постмодернистскую концепцию истории, согласно которой прошлое непознаваемо как объективная истина и существует исключительно в форме рассказа [3]: «Пессимизму истории, – заявляет автор, – я противопоставляю оптимизм рассказывания истории. Баудолино – это воплощенная радость рассказывания» [5, с. 541]. Особое место занимает в романе образ палимпсеста [4, с. 166-175]. Средневековый по своему происхождению, этот образ – свиток, с которого слой за слоем счищают нанесенные на него письма с целью добраться до первоначального текста – является аллегорией истории как бесконечного переписывания на обломках прошлого и одновременно с этим метафорически выражает тот тип письма, который в постмодернистской теории называется интертекстуальным, или, следуя терминологии Ж. Женетта, гипертекстуальным – письмом во второй степени [Там же, с. 55].

Список литературы

1. Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.: Наука, 1964. 482 с.
2. Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов (латинская хронография XI-XII вв.). М.: Наука, 1966. 380 с.
3. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / пер. с фр. Н. А. Шматко. СПб.: Алетейя, 1998. 159 с.
4. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности / общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: URSS, 2008. 238 с.
5. Эко У. Баудолино / пер. с итал. Е. А. Костюкович. СПб.: Симпозиум, 2003. 541 с.
6. Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С. Д. Серебряного. СПб.: Симпозиум, 2007. 502 с.
7. Eco U. Baudolino. Milano: Bompiani, 2005. 526 p.
8. Ferraris G. L. La Chronica Baudolini: esistere per raccontare: ancora un manoscritto, naturalmente. Qualche riflessione sul primo capitolo del Baudolino di Umberto Eco. Fubine: Centro studi fubinesi, 2002. 36 p.
9. Guenée V. Storia e cultura storica nell'Occidente medievale / trad. it. A. Bertoni. Bologna: Mulino, 1991. 490 p.

“BAUDOLINO” BY UMBERTO ECO AS A META-HISTORICAL NOVEL

Mushtanova Oksana Yur'evna

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia
oksanamushtanova@rambler.ru

The article examines the novel by Umberto Eco “Baudolino” in its meta-historical aspect. The author analyzes the process of transfer of the formal and genre peculiarities of the medieval chronicles in the content plane of the novel, taking into consideration, among the others, the diachronic aspect - realization of the mentioned genre in its different variations. On the basis of the conducted analysis the author concludes that Eco, drawing the material from the medieval sources, develops in “Baudolino” post-modernist conception of history; the researcher touches on the basic peculiarities of this conception represented in the novel.

Key words and phrases: historical novel; chronicle; providentialism; tendentiousness; falsification; intertextuality; dialogue; palimpsest.

¹ Ты стал моим пергаментом, сударь Никита. Я на тебе пишу то, что полагал позабытым... Думаю, что рассказчику самое нужное – слушатель. Тогда истории выходят из забвения [5, с. 222].

² Ему нравилось слушать рассказы, и не только о вещах ему неизвестных. Даже то, что он успел увидеть собственными глазами, будучи рассказано, представлялось ему в совершенно новом виде [Там же, с. 20].

³ Что его насторожило в Баудолино, так это глаза: при разговоре как-то вдруг – взгляд исподлобья на собеседника, будто бы с приглашением не принимать сказанное всерьез [Там же].